

И/ИЛИ: к вопросу о конъюнкции/дизъюнкции в тексте Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»

Язык закона — чрезвычайно важный фактор проведения в жизнь государственной воли. Словесная оболочка этой воли должна не только придавать закону свойство смысловой общедоступности, но и гармонизировать само содержание закона, способствовать превращению его в цельный и современный продукт интеллектуального труда.

1 сентября 2013 года вступил в силу Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Почти за два с половиной года до этого по инициативе Д.А. Медведева было организовано общественное обсуждение проекта, продолжавшееся более года. Предполагалось, что закон об образовании будет даже более обсуждаемым документом, чем закон о полиции, однако в реальности оказалось иначе. На сайт zakonoproekt2011.ru поступило вдвое меньше комментариев к тексту нового документа, чем в адрес закона о полиции.

Оставляя без анализа объяснения, даваемые в прессе разработчиками закона об образовании по поводу такой ситуации (предварительное обсуждение педагогической общественностью первой версии и внесение корректировок еще до опубликования на сайте zakonoproekt2011.ru), и размышления относительно содержания статей нового закона и характера зафиксированных в нем изменений, нам хочется обратить внимание на некоторые лингвистические частности, вызвавшие вопросы и недоумения.

В первую очередь заслуживает осмысления статья 2 (названная в одном из опубликованных в Интернете аналитических обзоров новеллой), в которой описываются основные понятия, используемые в законе. Так, образование (пункт 1) характеризуется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) (выделено на-

ми. – Я.С.) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов».

Использование в одной синтаксической позиции соединительного и разделительного союзов создает достаточно сложную смысловую ситуацию, которую можно интерпретировать двояко. Оказывается, что итоговой целью образования может быть не только формирование целостной, интеллектуально, физически и духовно нравственной личности, но и исключительно профессиональное развитие человека. Дизъюнкция в ситуации содержательного и формального несовпадения рассматриваемых объектов вызывает ряд вопросов. Если принять во внимание, что формулировка основных понятий, используемых в законе, имплицитно содержит указание на цель образования, направление, в котором оно должно развиваться (тем более что эти важные положения в самом тексте не формулируются), то оказывается, что успешным результатом целенаправленного процесса по обучению и воспитанию может стать профессионально развитый человек, в то время как все остальные векторы развития можно попросту игнорировать, и это не противоречит тексту закона, ведь подготовка профессионала – это «общественно значимое благо, <...> осуществляемое в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков ...».

Значит ли это, что современное образование ориентировано не на формирование гармонично развитой личности, а на подготовку квалифицированных рабочих кадров, профессионалов, удовлетворяющих свои образовательные потребности и интересы?

Правомерно ли говорить о том, что ориентация обучения и особенно воспитания должна поменяться? Ведь если принять во внимание, что эти процессы могут осуществляться исключительно для профессионального совершенствования человека (при актуализации союза ИЛИ), то становится понятно, что воспитание в целях интеллектуального развития будет существенно отличаться и по содержанию, и по методам от воспитания в целях профессионального развития.

Почему в ряду однородных членов «в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека»¹ союзы используются только перед последним членом? Если речь в данном случае не идет о юрислингвистической казуистике, но выводы напрашиваются самые неутешительные.

Интересные замечания относительно содержания пунктов статьи 2 были сформулированы группой педагогических работников общественного движения «Гражданская инициатива за бесплатное образование и медицину». Так, структуру образования (пункт 1) они представляют в виде треугольника, в котором помимо обучения и воспитания важную роль играет также развитие в узком, педагогическом смысле слова: «Перед образованием стоит триединая цель: не только обучение и воспитание, но ещё и развитие». Под развитием предлагается понимать «педагогическую деятельность, направленную на создание условий для изменения психических познавательных процессов (мышления, памяти, внимания, воображения, восприятия, речи и др.) и способностей обучающихся с целью их усовершенствования».

Воспитание (пункт 2), по мнению инициативной группы педагогов, необходимо рассматривать как *педагогическую* деятельность, поскольку в тексте Закона «выпало упоминание о субъекте, организующем воспитательный процесс. Бессубъектной деятельности не бывает, а субъектом воспитания в ходе образования является педагог».

Между тем конъюнкция/дизъюнкция в параграфе 12 и параграфе 14 статьи 2 представляется нам абсолютно оправданной и понятной: «профессиональное образование - <...> приобретение обучающимися <...> знаний, умений, навыков и формирование **компетенции** определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере **и (или)** (выделено нами. – Я.С.) выполнять работу по конкретным профессии или специальности»; «дополнительное образование – вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей че-

ловека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании...».

Не совсем понятно содержательное наполнение термина «компетенция» в форме единственного числа, регулярно используемое в рассматриваемом тексте. Какая конкретная компетенция имеется в виду, почему итогом целенаправленного процесса обучения и воспитания может быть формирование одной-единственной компетенции? Ясно, что необходимой определенности и точности, которые должны заключаться в дефиниции базового понятия, в указанном параграфе статьи 2 нет.

Очевидно, речь идет о подмене понятий «компетенция» и «компетентность». Под компетенцией понимается совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность же – это владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. Об этом подробно рассказывается, например, на страницах учебного пособия для вузов Л.В. Заниной и Н.П. Меньшикова.

В тексте закона имеются и другие моменты, способные привлечь внимание лингвиста. Так, образование (статья 2, пункт 1) определяется как «единый целенаправленный *процесс* (курсив наш. – Я.С.) обучения и воспитания», обучение (статья 2, пункт 3) – как «целенаправленный *процесс* (курсив наш. – Я.С.) организации деятельности», в то время как воспитание (статья 2, пункт 2) рассматривается в качестве «*деятельности* (курсив наш. – Я.С.), направленной на развитие личности». Совершенно очевидно, что характеризующие понятия находятся во взаимосвязи друг с другом и образуют иерархическую структуру, поэтому лексические значения соответствующих им терминов должны иметь интегральную гиперсему. И хотя между семами 'процесс' и 'деятельность' имеется связь на основе смежности по принципу «процесс – результат», но между ними обнаруживается и существенная разница, заключающаяся прежде

всего в отвлеченном/конкретном характере представляемых ими элементов смысла.

Не совсем понятно контекстуальное значение словосочетания *индивидуализация содержания* в тексте пункта 23 статьи 2: «индивидуальный учебный план – учебный план, обеспечивающий освоение образовательной программы на основе индивидуализации ее содержания...». Под индивидуализацией традиционно понимается «выделение, обособление кого-чего-н. по индивидуальным свойствам»⁶, однако какое отношение индивидуализация может иметь к содержанию образовательной программы, не ясно.

Сказанное выше позволяет заключить, что словесная форма основного документа об образовании нуждается в совершенствовании, поскольку «законодатель при языковом выражении правовых категорий обязан стремиться к точности юридической нормы. Язык права должен быть емким, лаконичным и доступным. От силы и выразительности языка, которым написаны законы, указы и постановления, во многом зависит воспитательное и регулирующее значение права».

Язык, выступая наиболее эффективным орудием деятельности, выполняет в то же время функцию организатора общественной жизни. Именно поэтому необходимо внимательное, критичное отношение к языку законодательных актов и нормативных предписаний.